

Лидия Чарская

Вакханка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Вакханка / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 66 с.

ISBN 978-5-4241-3330-5

Повесть Чарской «Вакханка» считалась эротической и была долго запрещена цензурой и изъята из библиотек.

ISBN 978-5-4241-3330-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Алексеевна Чарская
ВАКХАНКА
Роман без романтики

*Кто из вас без греха, первый пусть
бросит в нее камнем.*

От Иоанна, глава 8

I

— Клео, — сказала Анна Игнатьевна Орлова своей рыжеволосой дочери Клеопатре, — сегодня у нас будет с визитом Михаил Павлович Тишинский. Постарайся понравиться ему. Нет ничего хуже, чем дурные отношения между поклонниками матери и ее детьми. Но я надеюсь, что мой милый маленький Котенок сумеет встать сразу на дружескую ногу с таким симпатичным благородным человеком, как Мишель Тишинский.

Эту тираду Анна Игнатьевна закрепила продолжительным поцелуем, на который Клео — как называли молодую девушку друзья и знакомые ее матери — ответила лукавой и все понимающей улыбкой.

Никому иному, как дочери драматической артистки Анны Игнатьевны Орловой, не подошло бы более ее прозвище Котенок. Шестнадцатилетняя Клео действительно таила в себе что-то кошачье. Ее хорошенькая, совсем еще детская и свежая рожца, с узкими, зеленовато-серыми, постоянно сладко щуриющимися глазками, с наивным припухлым ребяческим и одновременно взрослым ртом и этими, унаследованными ею от отца рыжими, настоящими тициановскими волосами, золотым ореолом окружающими ослепительно белую кожу рыжей блондинки, наводила на мысль о каком-то пушистом, нежном и прелестном зверьке.

— Будь спокойна, я сделаю все так, как ты этого хочешь, мама. И если этот твой Тишинский окажется таким же интересным и милым, как дядя Макс...

Тут детское личико приняло совсем уже не детское выражение. И ноздри маленького вздернутого носа чуть вздрогнули в чувственном трепете.

Анна Игнатьевна нахмурилась. Ее смуглое лицо далеко еще не увядшей красивой тридцативосьмилетней женщины с такими же зеленовато-желтоватыми, как и у дочери, глазами, однако не прищуренными, а со строгим вызовом смотревшими на людей, внимательно и зорко взглянули в кошачьи зрачки дочери.

— Я не люблю, когда ты так шутишь, Клео, — проговорила она строго, и темный, чуть заметный румянец пополз по ее смуглым щекам.

— Я нисколько не шучу, — сорвалось с алых детских пухлых губ Клеопатры. — Мне и в самом деле безумно нравится дядя Макс... Нравится с первых же классов гимназии, и все это знают. Только ты одна упорно не желаешь замечать этого. Ну да, не хочешь... Тебе это выгодно, мама, — почти шепотом закончила всю фразу Клео.

Анна Игнатьевна вздрогнула, как под ударом кнута, под этим взглядом.

— Если ты не хочешь со мною серьезно поссориться, Клео, не смей говорить таких глупостей. Я не потерплю, чтобы дядя Макс служил мишенью твоим глупым насмешкам, — процедила она сквозь зубы.

— Я и не думаю смеяться, с чего ты взяла?

Рыжий локон упал на лоб, зелено-желтоватые глаза блеснули из-под него лукаво и зло настоящим кошачьим блеском.

Взоры матери и дочери на миг скрестились.

В одном из них отразился самый неподдельный испуг, отчаянный страх потерять самое дорогое в жизни; в другом, молодом, горячем и злобном, старшая женщина прочла столько откровенной ненависти и затаенной угрозы, что не выдержала, дрогнула и опустила глаза.

«Боже мой, за что? — думала Орлова. — Мой Котенок, моя девочка, моя дочь родная, выстрадавшая мною, любимая безгранично, и... такую злобу, столько жгучей ненависти она питает ко мне», — промелькнуло вихрем в голове женщины. Но страдальческое выражение не долго гостило на этом смуглом лице южанки. В следующее мгновение черные брови Орловой поднялись, и не то гордая, не то презрительная усмешка искривила ее губы.

— Ты слишком еще молода, Клео, чтобы заниматься подобным вздором. Флирт, влюбленность и прочие глупости — все это не для твоих шестнадцати лет, поверь мне.

— Но и не для тридцати восьми, не правда ли, мама? — снова прищурила свои кошачьи глазки молодая Орлова.

Орлова-старшая вспыхнула, но нашла в себе силы подавить порыв гнева и только сурово взглянула на дочь. Но кошачьи глазки Клео ответили таким недоумением и невинным вопросом, что сама Анна Игнатьевна усомнилась в недобром намерении дочери посмеяться над ее запоздалою любовью.

Неизвестно, чем окончился бы этот разговор, если бы не затрещал электрический звонок в прихожей, и почти одновременно с ним мимо уютного хорошецкого уголка гостиной, где беседовали мать с дочерью, пробежала, влияя на ходу широкими бедрами, горничная Нюша, молодая особа с недвусмысленно истасканным лицом типичной петроградской горничной.

А еще через минуту в гостиную входил высокий худощавый юноша в безукоризненно сшитой визитке, с добродушным безусым лицом и с ровным английским пробором, похожий на только что вылупившегося из яйца желторотого воробья.

— Глиста какая-то! — тут же оценила мысленно вошедшего гостя Клео, быстрым незаметным взглядом окинув его с головы до ног.

«Ну и поклонник!» — казалось, хотели сказать ее откровенно смеющиеся кошачьи глазки.

Но мелькнувший на мизинце юноши огромный чистейшей воды солитер сразу примирил Клео с непрезентабельным видом их молодого гостя, а прекрасно сшитый, несомненно, у лучшего портного столицы, костюм и вовсе смягчил ее сердце. В руках молодой человек держал роскошный букет красных роз.

«Рублей двадцать, небось, ухлопал», — снова подумала не любившая стесняться в выражениях молодая девушка.

— Вот, Клео, monsieur Мишель Тишинский, мой большой друг и приятель, — проговорила Анна Игнатьевна, протягивая юноше правую руку и левою принимая от него букет. — Надеюсь, что вы скоро подружитесь, детки. Моя дочь Клеопатра Львовна, — отрекомендовала молодых людей друг другу Анна Игнатьевна.

Юноша склонился перед Клео, как перед царицей, и потом остановил на ней восхищенные глаза. Девушка сразу поразила его своею внешностью и оригинальной своеобразной красотой. Нет, положительно он не встречал ничего прелестнее этой поэтически растрепанной златокудрой головки. Он шел сюда, как поклонник красивейшей женщины и талантливейшей артистки частного театра, Аннет Орловой, за которой ухаживал вот уже скоро месяц, всячески добиваясь ее расположения. И что же? Приглашенный впервые в ее дом, он увидел это маленькое, рыжее чудо в ее уютной, зеленовато-белой декадентской гостиной и

растаял, как воск, с первого взгляда. Эта рыжая девочка, с молочной кожей и с ухватками игривого задорного котенка, положительно затмевала свою талантливую мать.

Тишинский смотрел на девушку широко раскрытыми добрыми, немного близорукими глазами.

— Но он божественно глуп в довершение всего, — внутренне давилась от смеха Клео, бросая кокетливо-вызывающие взгляды на молодого гостя.

Между тем Нюша вкатила столик с серебряным сервизом, кексом и печеньем.

За чашкой чая беседа всегда льется проще и свободнее. Так было и теперь.

Тишинский свободно отвечал на вопросы, задаваемые ему хозяйкой дома.

Ну да, он не скучает здесь нимало. Правда, он больше привык к Москве, где кончил лицей, где все его знакомства и связи. Но и здесь он устроился, в сущности, весьма недурно благодаря отцу, который не стесняет его в средствах.

— Ты знаешь, Клео, ведь monsieur Мишель — сын того известного сибирского золотопромышленника, — начала Орлова и не договорила: вошла снова Нюша и объявила, что скоро четыре часа, и барыне надо ехать на репетицию, которая назначена ровно в четыре.

Та поднялась легким грациозным движением.

— Прекрасно, monsieur Мишель, надеюсь, не соскучится в вашем обществе, Клео. Позаботься об этом. А я еду... До свидания, дети мои. Я не прощаюсь с вами, Тишинский...

И она, послав по воздушному поцелую дочери и своему поклоннику, с быстротою девочки выпорхнула из комнаты, задорно и молодо постукивая каблучками. А пятью минутами позже промелькнула мимо молодых людей, уже одетая в модное весеннее пальто и несколько крикливо эффектную шляпу.

Едва только парадная дверь захлопнулась за матерью, как Клео тоже неожиданно стремительно поднялась со своего места, подошла чуть ли не в упор к гостю, и, глядя ему в глаза вдруг зажегшимися злыми глазами, произнесла веско, отчеканивая каждое слово:

— Довольно! Я все поняла. И то, что вы задумали с моей дражайшей мамашей, не удастся. Да, миленький, не удастся, черт вас подери, как бы вы ни строили из себя желторотого невинного птенчика! Моя маменька, по-видимому, прочит вас мне в мужья, и с этой целью устроила нынче мои смотрины. Но знайте — я не допущу ничего подобного. Я люблю другого — и ничьей женой не буду. Его — или ничья, и об этом довольно. Баста! А больше нам с вами пока что беседовать не о чем.

И она выбежала из гостиной прежде, нежели опешивший Тишинский успел произнести хоть одно слово.

II

Анна Игнатьевна совсем не могла репетировать сегодня. Небрежно подавая реплики, она нехотя переходила с места на место, раздражая своим апатичным видом и режиссера, и антрепренершу, худосочную костлявую даму бальзаковского возраста, играющую исключительно молоденьких инженершечек. Наконец к семи закончилась нудная тягучая пьеса, а в половине девятого должен был начаться спектакль. Орлова мельком взглянула на свой браслет-часики и пожалала плечами.

Она ждала Макса Арнольда. Между ними было условлено, что Макс, иначе Максим Сергеевич Арнольд, преуспевающий чиновник министерства юстиции, заедет за нею сегодня, чтобы везти ее обедать к Медведю, а оттуда проводит ее в театр. К счастью, ее роль начиналась во втором акте, и она успела бы вернуться сюда к девяти. Но Макс не ехал. Что бы это могло значить? Женщина волновалась. На смуглом лице зажглись темные пятна румянца. Глаза лихорадочно загорелись. Знакомые уколы начали пощипывать сердце. Пять лет уже, как она, прежде независимая, счастливая, гордая и недоступная, познакомилась с этими уколами мучительной ревности. Еще бы! Разве могло быть иначе! Макс Арнольд был так божественно хорош.

С тех пор, как умер ее муж, художник Орлов, оставив ей свою точную копию в миниатюре — рыжую Клео, носивший ее на руках, как куклу, и молившийся на свою «смуглую женщину», как называл он жену, Анна Игнатьевна решила отказаться раз и навсегда от любви и ее радостей.

Красивая женщина и эффектная актриса, она могла бы всегда сделать выбор в толпе своих театральных поклонников, но она была верна памяти мужа, шесть лет живя жизнью монахини-аскетки. И вот, когда ей уже перевалило за тридцать, и ее изящное смуглое тело, которое не однажды служило моделью художнику-мужу, стало постепенно обретать плавные и мягкие формы, тут-то она и встретила Макса.

И сейчас, как наяву, перед ней стоит эта встреча. Она играла Ольгу Ранцеву; его, восхищенного, в числе других, ее исполнением, друзья привели представить театральную знаменитости.

Что случилось с нею в тот вечер? Когда она увидела этого белокурого, изнеженно-породистого барина, очевидно, баловня судьбы и женщин, с его усталым холодно-порочным, взглядом и нежно-развратной улыбкой, точно что-то толкнуло ее в сердце: «Это он!» — сказала она себе тогда же и, кажется, полюбила его в тот же миг и отдалась ему всецело с головокружительной быстротой обезумевшей от страсти женщины. Она влюбилась в него тою осеннею любовью, которая ведет или к вечной радости достижения, или к тихой, постепенной, длительной попытке.

В данном случае произошло первое. Арнольд, пресыщенный, избалованный своими бесчисленными светскими романами, такими обыденными и шаблонными, в сущности, загорелся мечтой испробовать счастья с незаурядной женщиной, сильной своим сценическим талантом, отмеченной любовью к ней известного, недюжинного художника, ее мужа, сумевшего увековечить красоту этого совершенного, смуглого тела.

К тому же ему импонировала ее оригинальная натура, натура богобоязненной староверки (Анна Игнатьевна вышла из старой, верной христианским традициям купеческой семьи) и в то же время страстно-разнузданная в любви. Словом, Макс Арнольд, светский человек, вивёр, прожигатель жизни, казалось, увлекся не на шутку артисткой Орловой. Он окружил ее нежными заботами, а ее малолетнюю дочь — чисто отеческой заботливостью. Его небольшое, но прекрасно устроенное имение в черноземной полосе России приносило кой-какой доход, и это давало возможность Максиму Сергеевичу обставить с некоторой долей комфорта семью его новой пассии.

Таким образом, театральное жалование Анны Игнатьевны могло целиком идти на ее костюмы. Обо всем другом заботился первое время ее любовник. Орловой ее связь с Арнольдом казалась раем, и если что и смущало женщину, то только упрямство ее возлюбленного: как ни любил Анну Игнатьевну Арнольд, но на все прямые и косвенные намеки Орловой относительно возможности узаконения их связи, он всегда находил случай вывернуться — и своевременно отступить. И это отравляло женщине сладкие минуты ее счастья.

— А вот и я! Простите меня, Annette, я, кажется, заставил вас ждать, дорогая, — услышала задумавшаяся Орлова позади себя хорошо знакомый ей голос.

Она вспыхнула, как девочка, от радости протянула подошедшему Арнольду обе руки. На них смотрели с любопытством и с завистью. Пятилетняя связь этой пары ни для кого не была тайной. И в театре к Максиму Сергеевичу давно привыкли, как к своему человеку.

Он был очень хорош собою — этот высокий, статный, белокурый человек в широком весеннем пальто-клеше, с этой своей небрежно-порочной улыбкой и устало-развратным взглядом. В его бритом характерном лице английского типа было что-то сводившее с ума женщин и удваивавшее с каждым годом число его врагов среди мужчин.

Поцеловав перчатку Орловой с таким видом, как будто между ними ничего никогда не было, Арнольд подал ей руку и повел к выходу, где его ждал наемный таксомотор.

— Ну, поздравь меня, Макс! — проговорила веселым тоном Орлова, как только они очутились в тесном купе автомобиля, — дело с Тишинским налаживается. Я позвала его к нам, — нынче он уже был с визитом, и, кажется, девочка произвела на него некоторое впечатление. Пришлось покривить душой. Я сказала Клео, что этот молодой богач, наследующий золотые прииски его папаша, интересуется исключительно мною и намерен состоять при моей особе. Девочка, кажется, поверила. О, если бы можно было уладить возможно скорее этот брак, а то Клео положительно пугает меня с некоторых пор. Она, несомненно, унаследовала вместе со своей наружностью и бурный темперамент своего отца и порою ставит меня в тупик своими словами и поступками. Нет, ее необходимо выдать замуж — и как можно скорее. Ты подумай только, — пока она была в гимназии меня постоянно смущали ее юные поклонники-гимназисты, студенты и другие юнцы, к которым она бегала на свидания, а с некоторыми переписывалась за моей спиной. Теперь она кончила гимназию, — и что же? Не успела оглядеться как следует, уже преподносит новый сюрприз. Представь себе: они изволят не на шутку увлечься своим молодым дядей Максом! Ну да, тобою, мой милый, — не делай, пожалуйста, таких больших глаз, покоритель сердец! — разразилась не

совсем естественным смехом Орлова.

Арнольд усмехнулся.

— Вот как! Это очень мило со стороны Клео, и я весьма польщен...

— Пожалуйста, не лести себя надеждой. Девчонка молода и меняет свои симпатии, как перчатки. Сегодня ты, завтра другой... — уже несколько раздраженно бросила Орлова.

Лиловые весенние сумерки бессолнечного хмурого дня уже сгустились, и внутри каретки нельзя было различить той внезапной бледности, которая покрыла лицо Арнольда. Он сжал на мгновение зубы. Потом, не разжимая рта, процедил:

— А все-таки было бы грешно с твоей стороны выпихивать замуж ребенка, еще не знающего любви.

— Этот ребенок привык к роскоши, — прервала его Орлова, — а Мишель Тишинский имеет возможность выкупать в ней любую женщину... Я, напротив того, боюсь даже мечтать о таком счастье для нее!.. Собственно говоря, что она из себя представляет? Так — ничтожество, правда с хорошенькой и свежей мордашкой. Нет, Тишинский — это положительно лакомый кусочек для девочки. И, пожалуйста, не мешай мне в этом, Макс, — уже раздраженным тоном закончила артистка. Арнольд шуточно поклонился, больше для того, чтобы скрыть выражение тревоги, промелькнувшее у него в лице.

Автомобиль между тем остановился у знакомого подъезда, и швейцар выбежал высаживать обычных посетителей.

Тонкий обед, близость Макса, его томный взгляд разнежили Орлову.

— Максинька, — прошептала она за десертом, — ты проводишь меня в театр, а потом заглянешь ко мне после двенадцати... Ключ у тебя, я надеюсь...

Она заглянула ему в глаза преданными, почти робкими глазами.

Но он поспешил отвести от нее взгляд.

— Увы, дорогая, сегодня мне необходимо быть у моих стариков. Они скоро уедут на дачу... Завтра, если можно...

— Как хочешь, Макс, — уже ледяным тоном бросила женщина и прибавила уже с ноткой явной подозрительности, дрогнувшей в голосе: — Ты едешь к своим тотчас же или посидишь у меня в уборной?

— Прости великодушно и на этот раз, Анна, сегодня я провожу тебя только до дверей театра.

— Как хочешь, — снова прозвучало холодно.

Автомобиль помчался. У театрального подъезда Арнольд поцеловал руку Орловой и, подождав, пока высокая фигура последней скрылась за стеклянной дверью артистического входа, круто повернулся к эстонцу-шоферу и скомандовал, быстро вскакивая в экипаж:

— На Кировную, к Орловым... Да поживее, пожалуйста, Герман. Каждая минута на счету...

III

Михаил Павлович Тишинский долго не мог опомниться после отповеди, данной ему молодой Орловой, тем более что отповедь эта являлась в данном случае совершенно несправедливой. Он менее всего думал о том, чтобы соединиться с дочерью прелестной Annette Орловой узами брака. Он даже не предполагал, что у красивой моложавой артистки есть почти взрослая дочь. Но, тем не менее, увидя девушку, простодушный и прямолинейный от природы, далеко еще не успевший испортиться в омуте столичной жизни, двадцатитрехлетний Тишинский сразу воспылил страстью к Клео. Оригинальная внешность этой «маленькой вакханки», женщины-ребенка и женщины-кошки, как ее справедливо называл Арнольд, поразила его, ударила по нервам, по дремавшей до сих пор страстности натуры. За прелестной Annette, как называли актрису Орлову в том кружке, в котором он вращался, он волочился скорее из моды, как всякий богатый наследник ухаживает за артисткой, из желания подразнить менее счастливых товарищей, он, которому богатый и щедрый родитель отсыпал каждое первое число столько денег, сколько он спрашивал у старика.

Забившись в свою сибирскую нору, старик Тишинский все то, что мог бы проживать сам, живя в городе, посылал своему единственному сыну, любимому им до самозабвения.

— Наша фамилия старинная, заслуженная, дворянская, — говорил он, когда его упрекали в излишнем баловстве и поощрении к расточительности сына, — и чтобы с честью и достоинством носить ее, необходимо иметь деньги для представительности, для комфорта. А Миша у меня единственный, умру — все равно ему оставлю, не потащу же за собою в могилу. Деньги же молодежи нужнее, чем нам, старикам, так пусть и пользуется ими вволю, пока молод.

И молодой Тишинский пользовался, как мог и как умел. Он страстно и искренне любил искусство вообще, а драматическое в частности. И ежедневно проводил свои вечера в театре. Его увлечение Орловой выросло на этой почве. Вернее даже не увлечение ею, а теми ее образами, которые она умела создавать в свете огней рампы. У него и знакомство-то с нею завязалось на этой почве. В душе своей этот по виду простенький, казавшийся моложе своих лет юноша носил бога, бога красоты, и это оберегало его от засасывающей грязи жизни.

Незаслуженно обвиненный Клео, он ушел от нее смущенный, взволнованный и почти испуганный неожиданной отповедью. А в душе кто-то назойливый и упрямый нашептывал вопреки разуму и логике:

— Она должна быть твоею, она должна быть твоею. Это именно та девушка, о которой ты втайне мечтал, и она будет твоею, будет...

В то же самое время Клео, не подозревавшая даже о том впечатлении, которое она произвела на молодого человека, и относившая его намерение целиком за счет «интриг» матери, которую она, кстати сказать, подозревала во всевозможных кознях, все еще пылала негодованием. Вся розовая от волнения прошла она в свою комнату.

Здесь, в этой голубой шкатулке (голубой цвет был ее излюбленный: он так шел к ее рыжим волосам и ослепительно белой коже), обтянутой бирюзового цвета кретонем с атласными бантами и розетками, пахло какими-то острыми, с

несомненной примесью мускуса, духами. Изыщные, самых неожиданных и прихотливых форм, козетки, пуфы, кресельца и диваны были расставлены, вернее, разбросаны в живописном беспорядке на белых коврах с крупными, чудовищных форм и футуристической тенденции цветами. Узкая, за такими же нелепыми и крикливо разрисованными ширмами, постель казалась каким-то неожиданным оазисом чистоты и девственности среди целого хаоса статуэток, картин вольного содержания, всяких ширмочек, шкафчиков, бра и экранов, с теми же не то футуристическими, не то символическими рисунками. А в простенке между двух окон стояло прелестное трюмо, отражавшее сейчас маленькую, полудетскую фигурку и растрепанную голову обладательницы этого странного экзотического уголка. В нем же отражался и портрет во весь рост Анны Игнатьевны, помещавшийся напротив. На нем артистка была изображена в роли Сафо... Грозно смотрели ее строгие, страстные, обведенные синими кольцами глаза. Траурной каймой были обведены строгие брови... И в красно-речивом молчании сомкнуты гордые уста.

Рыжая Клео, войдя в свою комнату, с такой любовью устроенную ею самой несколько месяцев тому назад на средства того же баловника дяди Макса, когда она была еще в старшем выпускном классе гимназии, подошла прежде всего к зеркалу и вперила в свое отражение все еще горевшие гневом и негодованием глаза. И вот постепенно стало проясняться выражение бело-розового свежего личика. Лукавый огонек зажегся в глубине этих желто-зеленых кошачьих глаз, улыбка растянула пухлые губки. Вдруг она расхохоталась, откинув назад голову.

— И этот дурак, этот длинный воробей смел думать, что я смогу, что я захочу стать его женою!.. Как бы не так. И с этой внешностью маленькой вакханки, как называет меня Макс, и с моей перламутровой кожей, с моими влекущими глазами (его выражение тоже) быть женою этого желторотого птенца, у которого, кроме папашиних приисков, нет ничего за душою... Ни ума, ни остроты, ни умения оценить такую штучку, как я! Ну уж это дудки-с! Ступайте пасти ваши стада, как говорят французы, куда-нибудь подальше, милый Мишель, а вам такой табак не по носу.

И она с задорным видом настоящей французской кокотки — увы! — низкого пошиба, ухарски щелкнула пальчиками перед воображаемым носом злополучного Мишеля.

Потом с тем же веселым хохотом повалилась на ближайшую кушетку, вся потягиваясь, нежась и извиваясь на ней с чисто кошачьей грацией. Протянула руку через голову, нащупала стоявший в изголовьях кушетки на стенном бра портрет... То было изображение Арнольда. На нее смотрели дерзкие, усталые глаза, и чуть усмехались надменные порочные губы. Девушка смотрела минуту жадным влюбленным взглядом в красивое лицо Арнольда. Потом, с внезапно загоревшимися глазами, с яркой краской, внезапно вспыхнувшей на лице, прижала портрет к сильно бьющемуся сердцу и опрокинулась с ним вместе на спинку кушетки, осторожно и нежно сжимая его в объятиях. А услужливая память уже рисовала пережитые впечатления из недавнего полудетского прошлого.

Ей, Клео, минуло одиннадцать лет, когда в их доме появился этот красивый, тогда еще тридцатилетний блондин, пресыщенный и одновременно усталый. Рано развившаяся девочка, росшая на свободе среди удушливо-пряной обстанов-